

ІНТЕРМЕДІАЛЬНІ ПРАКТИКИ ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВА

УДК 82.02

Т.Н. ПОТНИЦЕВА,

*доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой зарубежной литературы
Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара*

Д. ДИДРО И Б. ФРАНКЛИН: ГРАЖДАНЕ РЕСПУБЛИКИ РАЗУМА

Исследуется проблема связей и взаимоотношений двух выдающихся мыслителей эпохи Просвещения – Д. Дидро и Б. Франклина в контексте влияния просветительских идей на американскую культуру и восприятия европейским культурным сознанием американских принципов создания свободного справедливого государственного устройства.

Ключевые слова: Просвещение, республика ученых, Энциклопедия, свобода, американское и европейское культурное сознание.

Описывая первые впечатления Бенджамина Франклина от чтения «Энциклопедии» в период его пребывания во Франции и знакомства с энциклопедистами, Дидро в том числе, Лион Фейхтвангер воспроизводит мысли своего героя, который «чувствовал себя в родстве с людьми, создавшими этот труд. Прорвав границы, разделяющие нации, они образовали республику ученых, и он, смиренный и гордый, был гражданином этой республики» [1, с. 44].

Дидро и Франклин – две знаковые фигуры этой республики. И хотя практически никто из их современников или историков, литературоведов разных времен не размышлял специально о них в плане нахождения отличия и сходства, есть очевидный повод, по крайней мере, говорить о последнем. Образы обоих запечатлены в портретах (Дидро, 1769; Франклин, 1778), написанных их известным современником, французским художником Жаном Оноре Фрагонаром (1733–1806), который уловил очевидную внешнюю, а через нее и внутреннюю схожесть двух мыслителей эпохи Просвещения. В изображении обоих подчеркнута неофициальность позы, естественность жеста, поворота головы. И в этом не только очевидное авторское (рокайльное) тяготение к интимности в выписывании деталей внешнего вида. Фрагонар увидел в своих героях то, что в них было на самом деле, он не придумал, а воссоздал образ живого, одухотворенного человека – не икону, а личность во всех сложных и естественных проявлениях ее сущности. Такой портретный облик, хотя и соответствовал заметной тенденции искусства XVIII в. к психологическому анализу героя, отказу от парадности и изображению в нем реального, соизмеримого с человеком, все же презентовал узнаваемый образ мудреца, философа, погруженного в глубины своих размышлений. Источник этих раздумий, скорее всего, книга, визуализированная на портрете Дидро и оставшаяся «за кадром» на портрете Франклина [2]¹.

¹Отметим, что портретные образы французских просветителей и американских «отцов-основателей» (Б. Франклина, Т. Джефферсона) были запечатлены в это время и другими французскими художниками, среди которых, например, Гудон Жан Антуан (1741–1928).

Франклин будет изображен Фрагонаром еще раз в картине “To the Genius of Franklin” (1778). Здесь предстанет аллегорическое изображение триумфа победы Франклина в Войне за Независи-

О связях и взаимоотношениях Франклина и Дидро в это время есть лишь фрагментарные, рассыпанные по разным источникам, упоминания, нередко в связи с памятными местами пребывания американца в Париже и в связи с тем впечатлением и, безусловно, влиянием, которое на него оказали энциклопедисты и Дидро в частности.

Дипломатическая миссия, с которой Франклин прибывает в Париж в 1776 г.², а также его чрезвычайная популярность как выдающегося ученого-просветителя не только в Америке, но и в Старом Свете³, делают американского дипломата вхожим в самые широкие круги французского общества, но прежде всего в круг тех, кто был ему ближе всего по духу. Встречи Франклина и Дидро скорее всего происходили в салоне барона Поля Гольбаха – центре радикализма и атеизма, где собирались выдающиеся умы Франции [3, с. 8], а также в доме вдовы Гельвеция в Отейле⁴. Известно о встречах Франклина с Дидро, Вольтером, Руссо, Робеспьером в знаменитом парижском шахматном кафе «Режанс» недалеко от Лувра на Rue Saint Honore [4] и в кафе «Ле Прокоп» – литературном интеллектуальном кафе Парижа. Здесь Дидро писал свои статьи для Энциклопедии, а Франклин готовился «предложить союз Людовику XVI с новой республикой» и разрабатывал детали Конституции США⁵. О сближении Франклина с энциклопедистами свидетельствует факт вступления американца в известную во Франции ложу «Девяти сестер», основанную атеистом Жеромом Лаландом (1732–1807). Среди «масонов» – Гельвеций, Вольтер, Д’Аламбер и Дидро [5].

Встречи и возможные беседы Франклина и Дидро в это время восстановлены художественным воображением Л. Фейхтвангера. Безусловно, главной темой их разговоров была работа Дидро над Энциклопедией, восхищавшей Франклина, но, тем не менее, приводившей его к раздумьям об истоках замысла – английских принципах, усвоенных и преобразованных французами, и снова к главному выводу о великой республике ученых, гражданином которой он ощущал и себя⁶. Само понятие «республика ученых» появляется в Энциклопедии в статье Дидро «Искусство», в которой автор размышляет о выдающихся науч-

мость. В античном облачении он возвышается вместе с аллегорическим образом Америки над поверженными врагами. Рядом с ним Минерва, отводящая от него рукой сверкающие молнии.

²В 1776 г., в год провозглашения независимости США, Б. Франклин отправляется во Францию, чтобы заручиться поддержкой этой страны в войне против Англии. Свою успешную дипломатическую миссию при дворе Людовика XVI он выполняет вплоть до заключения мира с Англией в 1783. В Библиотеке национального конгресса хранится фотография, запечатлевшая первую аудиенцию Б. Франклина у французского короля в Версале 20 марта 1778 г.

³Как отмечал в России Н.М. Карамзин, «Сей Франклин... сделался известен и почтен в двух частях света, смирил гордость британцев, даровал свободу почти всей Америке и великими открытиями обогатил науку» (Философский Век. Альманах, 31. Бенджамин Франклин и Россия. К 300-летию со дня рождения. Международная конференция. 22–24 июня 2006. Отв. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин, СПб. С.17. Чуть позже, оценивая роль и значение фигуры Франклина в истории Америки и Франции, напишут о том, что «любовь и привязанность французской нации к Америке достигла со временем такого энтузиазма, который трудно осознать...», а почет и честь, которые воздавали здесь Франклину «были неведомыми со времен Гомера... ни у кого не было такой славы». Возникли желаемые подозрения в том, что Франклин – француз, судя по этимологии его фамилии (Doctor Franklin and the French//Diary of the American Revolution. Vol.II. Compiled by Frank Moore and published in 1859 (<http://www.historycarper.com/1780/06/03/doctor-franklin-and-the-french>)).

⁴О связи мадам Мари-Фелисите Гельвеций напишет Л. Фейхтвангер в «Лисах в винограднике», да и сам Франклин упомянет «свою прелестную знакомую в Отейле» в «Диалоге между Франклином и его Подагрой» (Франклин Бенджамин. Диалог между Франклином и его Подагрой // В Америке все возможно. Антология американского юмора / Сост. Александр Ливергант. – М.: Б.С.Г.-Пресс, 2006. С. 50–56.).

⁵Парижское кафе «Ле Прокоп» находится на улице Ансьен Комеди в Латинском квартале. В двух шагах от театра Одеон (<http://journeying.ru/parizhskoe-kafe-le-prokop.html>).

⁶То, что Франклин – гражданин всемирной республики разума, у которой нет границ, свидетельствует любопытный факт всемирного обмена идеями и открытиями в это время. Так, открытие Франклина в области электричества впечатлило английского ученого Эразмуса Дарвина (Erasmus Darwin, 1731–1802), дедушки Чарльза Дарвина, выдающегося ученого, философа конца XVIII – начала XIX в., не уступавшего, как считали его современники, по значимости Руссо и Гете. В своей знаменитой поэме «Ботанический Сад» (The Botanic Garden, 1791) он так напишет о Франклине:

ных открытиях: «Но разве не произвели эти открытия (изобретение бумаги, книгопечатание, пороха и др. – Т.П.) революцию в республике ученых?» [6, с. 81].

Для французов и для идеологов французского Просвещения Франклин – кумир, символ свободы, справедливого государственного устройства, а Американская революция – модель для социального преобразования в собственной стране. Популярность личности одного из «отцов-основателей» во Франции оказалась не меньшей, чем у него на родине⁷. Но так было не всегда. История этой популярности и упрочения авторитета Франклина в Европе проходит несколько этапов. Когда в 1767 г. как частное лицо он прибывает в Париж, его одолевает чувство стеснения по поводу своей провинциальности при всем том, что во Франции его уже знают по выдающимся открытиям – изобретению громоотвода прежде всего. За это Франклин получит благодарность и похвалу от Людовика XV в 1752 г. [7, с. 148]. Но сам будет продолжать смущаться от собственного неаристократизма, кажущегося плебейства, особенно перед монаршими особами, которые и позже будут находить забавной «республиканскую простоту манер американского посла» [8, с. 12]¹⁴. В этой простоте манер, как думают некоторые исследователи, был, однако, и игровой момент, подыгрывание ожиданиям европейцев, выработавших уже определенные стереотипы образа американцев. Как многим кажется, Франклин в Париже сознательно разыгрывал роль простака в меховой шапке, «сына природы», эталого типичного представителя «народо-землепашца» [9, с. 504–505], хотя у себя в Филадельфии он «совсем иной – состоятельный джентльмен, ученый... и англофил. Его перевоплощение – не более чем точно рассчитанный прием» [9, с. 504–505], а с другой стороны – та очевидная характеристика уже американской ментальности, психологии “innocent” – «простака», несведущего в незнакомой обстановке до определенного момента, после чего обязательно возьмет реванш.

То, что отношение к Америке и американцам как к провинциальной и маргинальной составляющей мирового сообщества было ошибочным, становится ясно в 70-х годах XVIII в., когда своей Войной за Независимость американцы доказали предреволюционной просвещенной Франции свою возможность выдвинуться в лидеры. А последствия уже Французской революции позволили соотнести действенность идеи и практики по обе стороны океана. Восприятие Франклина в Париже тоже существенным образом меняется по сравнению с его первым визитом в 1767 г. Снисходительно-ироничный взгляд сменяется восторгом и преклонением. Моду в буквальном смысле диктует теперь он: «Парикмахеры изобрели прическу а-ля Франклин, парижане снимали парики и делали себе эту прическу – гладко причесанные волосы, парики заменяли шляпками из куньего меха» [10].

При всем, может быть, игровом/провокационном характере «аватаров» Франклина в Париже в 60-х и 70-х гг. XVIII в., сам мыслитель, безусловно, пережил за это время смену чувств и взглядов – парадоксальных, казалось бы. Ведь как дипломат и республиканец он приезжает во Францию с почтением к Людовику XVI! В сознании Франклина нет мысли о кровавом низвержении короля, чему он противится всегда и поэтому будет плохо воспринимать последствия Французской революции. Как ирвинговский Рип Ван Винкль, он по-американски еще раз утвердится в ценности частной жизни человека, непоколебимости его *privacy*, какие бы бури не бушевали вокруг. Философа-республиканца увлекает идея французских просветителей о «просвещенном короле», он находится под воздействием французских материалистов, сплавивших воедино в своей этике и социологии сенсуализм и рационализм. В это время Франклина и Дидро как мыслителей и политических

You (нимфы – Т.П.) led your Franklin to your glazed retreats (/)

Yoer air-built-castes, and your silken seats
Bade his bold arm invade the lowering sky,
And seize the tiptoe lightnings ere they fly;

Открытия и гипотезы Э. Дарвина будут продолжением экспериментов с электричеством не только Луиджи Гальвани (1737–1798), но и Франклина. Эти эксперименты, о которых речь шла в доме У. Годвина, впечатлят юную Мэри Годвин, будущую Мэри Шелли, автора знаменитого английского романа «Франкенштейн».

⁷Любовь к Франклину на родине, большую, чем к первому президенту, была в Америке оценена по-американски и в денежном эквиваленте: на 100-долларовой купюре запечатлен образ Франклина, а Вашингтона лишь на купюре достоинством в один доллар.

деятелей сближает парадоксальная компромиссность взглядов. Дидро эволюционирует от «радикального деизма в молодости... к более умеренным формам в позднейший период, ... уклоняется от открытого конфликта с церковью» [11, с. 7]. У Франклина своеобразно сочетаются прагматизм и патриотизм. Ведь в Париже он надеется на «союз мятежных колоний с монархической абсолютистской Францией!» [12]. Но, тем не менее, он как бы «вербовал сторонников своей американской революцией и личностью» (Н. Басовская), не только стимулируя революционный процесс в Париже, но и подталкивая к непосредственному участию в событиях своей страны многих «блестящих и достойных людей Франции». Среди них был и маркиз Лафайет. Уже вернувшись в Америку, Франклин переписывается с Маратом, Робеспьером и Лавуазье, который в феврале 1790 г. как бы отчитался перед американским единомышленником о «проделанной работе» – Французской революции: «...Мы считаем ее уже совершившейся и совершившейся бесповоротно» [13]. В 1794 г. Лавуазье, как известно, будет гильотинирован. При всех своих созидательных намерениях Франклин – «этот рядовой американец, суховатый интеллектual, этот скромный демократ» – сделает, по словам Д.Г. Лоуренса, «больше для разрушения старой феодальной Европы, чем любой русский нигилист» [13].

Значимость Американской революции для Европы понимали и сами американцы⁸. Но почему же последствия оказались разными на родине Франклина и Дидро?

Как справедливо отмечает Е. Стеценко, в США революция была «одновременно и итогом пройденного пути и залогом движения вперед», духовная жизнь этого времени была противоречивым и, вместе с тем, плодотворным «союзом философских идей и земных деяний» [14, с. 55]. И эта революция, по словам Джона Адамса, свершилась «прежде, чем началась война. Революция произошла в умах и сердцах людей...» [15, с. 335–336]. И если в Америке «нулевая позиция» гражданского общества, где равенство социального статуса было не абстракцией, служила объединяющим фактором и способствовала созданию образа общего «врага», который, к тому же, находился на значительном расстоянии, то во Франции ситуация была иной. Здесь была опасность «бризантовой силы знания, просвещения», которую Дидро и другие энциклопедисты не осознавали. В их стремлении усовершенствовать существующее общество изначально уже была заложена идея его уничтожения [6, с. 75].

Рокайльно-компромиссная сущность Франклина, схваченная Фрагонаром в его внешнем облике, находится в абсолютном соответствии с его взглядами и трудами, в основе которых, как было отмечено, сочетание рационально-прагматического и идеалистического взгляда на мир. Своими нравственными ориентирами Франклин неслучайно избирает Иисуса и Сократа! “Imitate Jesus and Socrates («Берите пример с Иисуса и Сократа)”, – призывал он в «Автобиографии» [16, с. 53]. Первый ориентир – следствие безусловного и неизбежного воздействия пуританского фермента, который всегда будет силен в сознании американцев при любой степени сомнения в вере [17]. Значимость же Сократа для Франклина (его и в Америке, и в Европе будут называть «американским Сократом» [18, с. 218]) в привлекательной у древнего философа жажде познать самого себя, обусловливающей уже в новом историческом контексте концептуально важные для американцев жизненные принципы: «делать самого себя» (self-made man) и «опираться на самого себя» (self-reliance). Для Франклина Сократ – образец универсального человека, дававшего эталон и литературным формам, и литературной речи – «сократовскому диалогу» [19, с. 37], который называют одной из характерных форм философствования в эпоху Просвещения. Истоки его формирования можно обнаружить как в Европе, так и в Америке. Франклина, конечно, не могли не впечатлить суждения Аддисона о Сократе в десятом номере «Зрителя», где английский эссеист пишет о главной значимости трудов древнегреческого философа, которую видит в том, что он свел Философию с Небес и поселил ее среди людей...» [20, с. 81]. Эта одна из главных тенденций в «любомудрии» XVIII в. найдет свое яркое воплощение, по мнению Н.Т. Пахсарьян, в жанре философской повести. Но, думаю, также и во француз-

⁸По словам Т. Джефферсона, именно «Американская революция разбудила мыслящую часть французской нации в целом от сна деспотизма, в который она была погружена» (См.: Стеценко Е. Томас Джефферсон // Просвітницька традиція в літературі США. Американські літературні студії в Україні. Вип. 2. К.: Інститут літератури ім. Т. Шевченка, 2005. С. 70).

ской Энциклопедии (1751–1780), и в ее американском аналоге – «Альманахе Бедного Ричарда» (1733–1757) Б. Франклина, замысел которого, как видно из дат, возник раньше, чем во Франции. На этом месте следы взаимных влияний переплетаются. Известно, что идея Энциклопедии у Дидро возникает в процессе перевода английского энциклопедического словаря Эфраима Чамберса (Ephraim Chambers, 1689–1740), а сам принцип классификации знаний усвоен от Ф. Бэкона. Английский «след» есть и в истории замысла «Альманаха Бедного Ричарда», возникшего под влиянием «Альманаха Английского», выпускавшегося неким Ричардом Саундерсом (Richard Saunders). Оттуда Франклин и взял имя для своего героя. Но значимость этого имени (а вернее, его многозначность) возникнет чуть позже после выхода в свет известного произведения Дидро «Письма о слепых в назидание зрячим» (1749), где речь идет о слепом английском ученом-математике Николасе Саундерсоне, «прозревшем» в разных смыслах после операции на глазах.

Сама жанровая форма календаря, в которой написан американский «Альманах» – распространенная и в Европе, и в Америке форма размещения энциклопедических знаний из разных областей жизни. И на самом деле «Альманах» Франклина явился для своего времени уникальным собранием знаний, сведений, которые нередко были настоящими открытиями⁹. А сам он, как не раз отмечали исследователи, совместил в себе как в уникальном человеке всех членов французской Энциклопедии с их познаниями и открытиями. Значимым оказывается не только охват сведений в издании, выходявшем на протяжении 25 лет, но и литературный аспект, – то, что в нем «все ценное, что накопила европейская комическая проза, было пропущено через американский опыт и явлено в своеобразной форме – комической притче (“a comic fable”) [15, с. 335–336]. И, добавим, в ее главной комической фигуре – Бедном Ричарде, чьи мудрые сентенции «как бы ненароком были рассыпаны в тексте» [7, с. 150]. Такой прием создавал иллюзию живого процесса мышления и порождения мудрых мыслей, отражающего как бы сиюминутное восприятие жизни. В этом будет сходство манеры Франклина и Дидро, который, по справедливому замечанию И. Лимборского, был сложен для восприятия именно в том, что пытался «избежать системообразования... его мышление живое, неуловимое, реально происходящее» («унікнути системотворення... його мислення живе, невлівиме, таке, що реально відбувається») [21, с. 164]. Это воссоздание живой, пульсирующей мысли было тоже определено «сократовским диалогом», «сократовским методом», который, согласно Л. Фейхтвангеру, Франклин усваивает, читая французскую Энциклопедию и, главным образом, размышляя над статьей Дидро «Энциклопедия». Здесь американский философ открывает для себя главную закономерность в общении с читателями – быть почтительным к их политическим и религиозным предрассудкам. Но вместе с тем отсылать их к тем статьям, где «следует приводить убедительные доводы разума против предрассудков. Так представляется возможность разрушить сооружение из нечистот и развеять жалкий мусор и пыль. Этот метод просвещать людей насчет собственных их заблуждений не вызывает обиды и безотказно воздействует на мышленных...» [1, с. 44]. О «сократовском методе» Франклин напишет и в «Автобиографии»: «Я был очарован им и усвоил его» (“I was charmed with it, adopted it”) [16, с. 39]. В жанре философского диалога («Прогулка скептика, или Аллеи», «Племянник Рамо» Дидро, «Диалог между Франклином и Подагрой» Франклина, написанный им во Франции) суть этого метода проявлялась в том, что в ходе беседы «один из собеседников рядом последовательных вопросов изобличает другого собеседника в противоречиях» [22, с. 312]. И Франклина, и Дидро, как и их персонажам, нужны и догмы, и ложные знания, чтобы найти истину где-то посередине. Философский скептицизм обоих отвергает любое назидание как истину в последней инстанции и скорее подводит к бэконовскому суждению о необходимости принимать мир таким, какой он есть, а не таким, каким мы хотели бы его видеть [6, с. 87]. Компромиссность процесса поиска истины привлекает обоих. Оба используют похожую тактику, тайну которой Дидро и раскрывает в статье «Энциклопедия»: «Во всех тех случаях, ког-

⁹И сегодня отмечают роль Франклина-просветителя, энциклопедиста, который давал в «Альманахе» массу полезных сведений, например, из области медицины: пропагандировал вегетарианство, разрабатывал упражнения с гантелями, писал о пользе женьшеневого чая и т. д. (См.: Журнал «Тариф Гиппократ». Выпуск 650 от 11.04.2011).

да какой-нибудь национальной предрассудок кажется заслуживающим уважения, соответствующая статья должна отзываться о нем положительно и излагать все, что имеется в нем привлекательного и правдоподобного. Но глиняное здание должно быть разрушено...» [23]. Маска лояльности в таком случае оказывается «преобладающим одеянием» и у Франклина, и у Дидро. Важен в таком случае и образ несведущего или заблуждающегося слушателя. И хотя комическая фигура франклиновского Ричарда может восприниматься как аналог вольтеровского Простодушного и несведущих собеседников Дидро, у него есть свои национальные очертания того американского типа простака – “innocent”, который ведет свой, «американский разговор-торг» (Т. Венедиктова) в большей мере с собеседником, нередко недостаточно осведомленным в разных сферах знаний, но с практической жизненной хваткой, на которую и рассчитывает автор. Американская действительность делала чрезвычайно актуальным сократовское стремление «поселить Философию с Небес среди людей». Но это стремление к созданию своеобразной популярной философии было отмечено и у французских мыслителей, которые демонстрировали изысканное смешение серьезного и игрового, высокоинтеллектуального и житейского, своеобразное «соствязание словесности как игры словами и философии как игры мысли» [24, с. 418]. Философские и просветительские рассуждения Дидро в Энциклопедии касаются, судя по статьям, написанным им, вполне «приземленных» вопросов. Дидро – автор статей «Земледелие», «Почва», «Учреждение», «Пахарь», «Трудолюбие». Однако в целом, если взглянуть на перечень тем, которые волнуют французского и американского философов и по поводу которых возникают их мудрые мысли, можно убедиться в национальной специфике хода размышлений каждого. У Дидро все же преобладают темы универсально-абстрактного характера: знания, книги, природа человека, религия, разум, творчество. Их обсуждение адресовано в какой-то степени адекватному собеседнику, хотя и несведущему в определенных областях знаний, но живущему в контексте просвещенного общества. Франклин, безусловно, осознает иной культурный контекст своего адресата, отсюда – практическая направленность размышлений на тему материального процветания, денег, трудолюбия, узнаваемых пороков человека – лени, глупости, расточительности, которые он намеревается искоренить.

Призывая соотечественников следовать своим советам, великие мудрецы, однако, снимают безоговорочный пафос сентенций той парадоксально-рокаильной формой высказывания, которая одновременно и убеждает, и привносит сомнения, стимулируя самостоятельный процесс поиска истины. Ведь как остроумно заметит Дидро, «не лучше ли приобрести доверие к себе других людей искренностью признания, что я ничего не знаю, чем бормотать слова и вызывать жалость к себе потугами все объяснить?» [25]. В конечном итоге и создатель французской Энциклопедии, и «американский Сократ» не были «адвокатами человечества», но были «глашатаями политического сознания «среднего класса» [26, с. 11] с его особенными национальными интересами. Оба, как и другие «граждане республики разума» этого времени, были озабочены проблемой формирования нового человека, совпавшей с просветительской идеей «прогресса духа, разума, знания» [20, с. 88].

Список использованных источников

1. Фейхтвангер Л. Лисы в винограднике / Л. Фейхтвангер / пер. Соломона Апта. – М.: ГИХЛ, 1959. – 695 с.
2. Маркова Т.Б. Мотив книги – аллегорический атрибут мудрости. Образ читающего философа в изобразительном искусстве / Т.Б. Маркова // Образование и гражданское общество (Материалы круглого стола. 15 ноября 2002). Серия «Непрерывное гуманитарное образование». Вып. 1 / под ред. Ю.Н. Солонина. – СПб.: С.-Петербургское философское общество, 2002. – С. 62–65.
3. Воробьев Л. Предисловие / Л. Воробьев // Дидро Д. Монахиня. Племянник Рамо. Жак-фаталист и его хозяин. – М.: Правда, 1984. – С. 5–24.
4. Мир шахмат. Шахматы с привкусом кофе. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vladchess.ru/shahmaty_s_privkusom_kofe.html
5. Вороницын Иван. История атеизма. V. Радищев и его современники. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krotov.info/libr_mi/03_v/or/onizon_45.htm

6. Цит. по: Ойзерман Т.И. Энциклопедисты как идеологи буржуазной революции / Т.И. Ойзерман // Французское Просвещение и революция / Отв. редактор М.А. Кисель. – М.: Наука, 1989. – С. 75–100.

7. Дорен Карл Ван. Бенджамин Франклин / Карл Ван Дорен // Литературная история Соединенных Штатов Америки: в 3 т. Т. 1. – М.: Просвещение, 1977. – 601 с.

8. Философский Век. Альманах, 31. Бенджамин Франклин и Россия. К 300-летию со дня рождения / отв. редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. – СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2006. – 326 с.

9. Игонне П. Соединенные Штаты Америки / П. Игонне // Мир Просвещения / под ред. Винченцо Ферроне и Даниеля Роша. – М.: Памятники исторической мысли, 2003. – 669 с.

10. Биографии известных людей. Бенджамин Франклин. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://letter.com.ua/autor/franklin.php>

11. Ильин И.П. Американское Просвещение / И.П. Ильин // Проза американского Просвещения, [на англ. языке]. – М.: Прогресс, 1977. – 352 с.

12. Эхо Москвы. Передача «Все Так: Бенджамин Франклин: лицо американской революции. 25.04.2009. Ведущие Наталия Басовская и Алексей Венедиктов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/programs/vsetak/587307-echo>

13. Великая французская революция. Лавуазье. – Электронный ресурс: [Режим доступа]: (<http://larevolution.ru/encyclor/hl-lavoizier.html>).

14. Стеценко Е. Томас Джефферсон / Е. Стеценко // Просвітницька традиція в літературі США. Американські літературні студії в Україні. Вип. 2. – К.: Інститут літератури ім. Т. Шевченка, 2005. – С. 67–75.

15. Коренева М.М. Литература XVIII в. / М.М. Коренева // История Литературы США. – М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 1997. – 831 с.

16. Franklin Benjamin. The Autobiography / Benjamin Franklin // Проза американского Просвещения, [на англ. языке]. – М.: Прогресс, 1977. – 352 с.

17. Денисова Т. Пуританська традиція як плідна тенденція в літературі США / Т. Денисова // Пуританська традиція в літературі США. Американські літературні студії в Україні. Вип. 1. – К.: Інститут літератури ім. Т.Г. Шевченка НАН України, 2004. – С. 36–44.

18. Третьякова И.А. Философия пользы успеха. Бенджамина Франклина. Просветительская утопия / И.А.Третьякова // Философский Век. Альманах, 31. Бенджамин Франклин и Россия. К 300-летию со дня рождения / Отв. редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. – СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2006. – 326 с.

19. Башмакова Л. Бенджамин Франклин и проблемы «американизма» / Л. Башмакова // Просвітницька традиція в літературі США. Американські літературні студії в Україні. Вип. 2. – К.: Інститут літератури ім. Т.Г. Шевченка НАН України, 2005. – С. 33–45.

20. Пахсарьян Н.Т. «Ирония судьбы» века Просвещения: обновленная литература или литература, демонстрирующая «исчерпанность старой» / Н.Т. Пахсарьян // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000–2000. М.: Высшая школа, 2001. – 335 с.

21. Лимборський І. Європейське та українське Просвітництво: незавершений проект? / І. Лимборський. – Черкаси: ЧДТУ, 2006. – 364 с.

22. Лагунова М.В. Комментарии / М.В. Лагунова // Проза американского Просвещения, [на англ. языке]. – М.: Прогресс, 1977. – 352 с.

23. Реконструкция американского идола. Бенджамин Франклин глазами своих исследователей // РЖ. – 2013. – март. – [Электронный ресурс]: Режим доступа: www.russ.ru/Dekonstrukciya-amerikanskogo-idola

24. Лимборский И. «Игры разума» в литературе Просвещения и их судьбы в эпоху глобализации / И. Лимборский // XVIII век: литература как философия, философия как литература / под ред. Пахсарьян Н.Т. – М.: Экон-Информ, 2010. – С. 415–421.

25. Цитаты Дидро. Афоризмы Дидро. – [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.genialnee.net/authors/Denis_Diderot/page_4/

26. Киссель М.А. Предисловие / М.А. Киссель // Французское Просвещение и революция. – М.: Наука, 1989. – С. 3–14.

Досліджується проблема зв'язків та взаємних стосунків двох видатних мислителів епохи Просвітництва – Д. Дідро та Б. Франкліна в контексті впливу ідей Просвітництва на американську культуру та сприйняття європейською культурною свідомістю американських засад створення вільного справедливого державного устрою.

Ключові слова: Просвітництво, республіка вчених, Енциклопедія, воля, американська та європейська культурна свідомість.

In article the problem of communications and relationships of two protruding thinkers of the Age of the Enlightenment – D. Didro and B. Franklina in a context of educational ideas influence on the American culture and perception by European cultural consciousness of the American principles of creation of a free fair government type is investigated.

Key words: the Age of the Enlightenment, republic of scientists, the Encyclopedia, freedom, the American and European cultural consciousness.

Одержано 12.09.2013.